

СЛОВО О КАТЕГОРИИ И КАТЕГОРИЯХ

Понятие «категория» прочно вошло в лексикон современного человека, более того, некогда выведенное из языковой стихии повседневности, оно вновь возвращается в неё, претерпев множество метаморфоз. Так, как правило не задумываясь, мы используем в речи прилагательное «категоричный» - выражающее решительную уверенность, не допускающую возражений. Общепринятым, при толковании «категории», стало обращение к древнегреческому языку, в котором оно имеет буквальное значение обвинительного утверждения, от *κατα* — приставки, обозначающей противодействие, и *ἀγορεύω* — «выступаю с речью (на собрании)», от *ἀγορά* — «народное собрание». Обратим внимание на первый элемент рассматриваемого понятия. Идея противоречия, заключенная в приставке «ката» крайне важна для генеза «категории» и ее производных. Например, она сохраняется в заимствованном из французского языка слове «катастрофа», от латинского *catastrophā*, под которым подразумевается «резкий поворот, неожиданное событие». Вместе с тем, приставка «ката» может использоваться и для передачи смысла существительного «низ» или, близкого ему, предлога - «под». В этом значении она встречается в словах «каталог», «катапульта» или «катавасия» - наследии богослужебного обихода.

Ясное представление о происхождении слова исключительно важно для осмысления его дальнейшей истории и, в данном конкретном случае — практического бытования термина в философии и науке. Отмеченная выше оппозиционность «категории», заключающаяся в его семантическом ядре, приближает её к понятиям «противоположность» и «противоречие», что, в свою очередь, имеет важное методологическое значение. В этой связи, интересна параллель с трудно переводимым на современный язык элементом поразительно сложной концепции души в Древнем Египте - «Ка». Знаменитый французский египтолог Масперо для передачи смысла рассматриваемой идиомы использует понятие - «двойник». Примечательна письменная фиксация «ка». Употреблявшийся при этом иероглиф представляет связанные между собой и, одновременно, обращенные друг к другу ладонями, вытянутые руки - . Несколько иной, но в целом сходный, вариант встречается в скульптурных и настенных изображениях.

Концепт «противоположность» зримо присутствует в идеограмме «ка». При этом, привлекает внимание подчеркнута операционный характер изображений — одно из свидетельств синкретизма древнего ритуала и протометодологии. Сегодня хорошо известны разносторонние связи Древней Греции с таинственной державой долины Нила. Культурный и языковой обмен между народами, их населявшими, не прекращался на протяжении многих веков, поэтому не кажется такой уж экстравагантной гипотеза о сохранении данного реликта в иной языковой среде.

Древнегреческий язык, получивший распространение с начала II тысячелетия до н. э., относится специалистами к индоевропейской семье. Являясь родственным балтославянским языкам, он исходит из единой праиндоевропейской языковой общности, датируемой третьим — четвертым тысячелетием до н. э. Принимая во внимание сказанное, следует тщательно присмотреться к архаичной основе «кат», которая с большой долей вероятности должна

присутствовать в русском языке. Действительно, она обнаруживается в глаголе «катить», имеющем широкий спектр производных от «катка» до «катушки». Смысловое значение этого понятия подразумевает особый вид движения объекта, принимающего противоположные положения, за счет постоянной смены своего верха и низа. Такой вид движения объединяет в себе векторные характеристики с идеей циклического повторения — обращения объекта.

В памяти возникает зимний вечер, припорошенный мукою стол, мамыны руки вооруженные скалкой. На детских глазах кусочек теста раскатывается, совершая метаморфозу коловращения. Ещё мгновение и на противень ложится украшенный волной лепного узора пельмень, ещё один и ещё... Понятия, даже приобрета терминологическую строгость, не есть исключительно рассудочные конструкции, неотъемлемый элемент интеллектуального аппарата человека. Каждому из них свойственна собственная эмоциональная атмосфера, уникальный культурный контекст, особая эстетическая ценность. Посредством понятий возможно не только мыслить, но и чувствовать, переживать мир в его единстве и многообразии. Важным обстоятельством представляется тот факт, согласно которому скрытые в слове образы и смыслы могут воздействовать на восприятие минуя сознание.

В IV веке до н. э., где-то между 323 и 335 годами, Аристотель вводит «категорию» в философский дискурс. При этом, следует отметить принципиальное отличие античной философии от предшествующего опыта рефлексии. Речь идет об одном из ее особых вкладов в мировую сокровищницу мысли - создание нового, логоморфного по своей конституции, набора универсальных понятий, постепенно вытеснившего идиоматический инструментарий древней натурфилософии, созданный в условиях коренных перемен, запущенных неолитической революцией. Следует отметить, что период сосуществования двух категориальных аппаратов, основанных на принципиально разной основе, занял весьма продолжительное время. Достаточно сказать, что еще в средневековье, фактически до XVII века, наряду с весьма утонченным понятийным аппаратом поздней схоластики, в интеллектуальной жизни Европы сохранялась система первоистихий, имевшая свое воплощение как на уровне макро-, так и микрокосма. В качестве локальной традиции данный подход не потерял свою актуальность сегодня, в начале XXI века. Примером этому служат китайские натурфилософские системы, сохранившиеся во многом благодаря характеру самого иероглифического письма. Это известная категориальная пара инь-ян и пять первоэлементов/движений (У-син).

В античности складывается два принципиальных подхода в отношении источника категорий. Внимание Платона привлекают в первую очередь первые или исходные сущие, их «высшие роды». Речь идет об объективной *дан-ности* категорий, в качестве которой они выражаются как самоопределение этой данности, имманентное ей. Аристотель выступает с позиции *за-дан-ности* категорий, представляющей собой область высказывания или утверждения субъекта о первых, объективно данных сущих. Снятие противоречия между двумя подходами, на языковом уровне представляется как *соз-дан-ность* - результат миротворения новой, идеальной по своей природе, предметной реальности - культуры. Таким образом, выделенная корневая основа «дан», демонстрирует единство в понимании эволюции представлений о происхождении «категории», принося в ее семантическое поле нарратив целеполагания.

Расширяя философский тезаурус, Аристотель сознательно нивелирует внутреннюю оппозиционность понятия «категория», трактуя его смысловое наполнение лишь в качестве утверждения или высказывания. Это отнюдь не случайно, принимая во внимание роль этого мыслителя в создании формальной логики, исключая противоречие из собственного предметного поля. Набор из десяти категорий, предложенный Аристотелем, не единственный в античной философии, более лаконичными оказались в этом отношении стоики. Позднее были сформулированы системы Плотина и его ученика Порфирия. Процесс категориальной рефлексии продолжился в схоластическом дискурсе, получив свое продолжение в концептуальных построениях нового времени. Подробное их рассмотрение имеет интерес с точки зрения истории философии, однако выходит за рамки преследуемой нами цели. Главное — это то, что предложенное Аристотелем понимание «категории» и сформулированный в его границах методологический подход оказали определяющее значение для всей дальнейшей интеллектуальной жизни Европы. При этом противоречие, выдворенное греческим мыслителем из содержания «категории», обернулось улыбкой Джоконды на безупречном лице его формальной логики. Эта улыбка кроется в понятии тождества, примат которого — непреложный закон всякого мышления, очередной раз свидетельствуя о том, что противоречие имманентно нашему интеллектуальному бытию, напоминая ситуацию из народной мудрости: «Заступил чёрту дверь, а он в окно»...

Согласившись с определяющим значением тождества для любого логического дискурса, мы принимаем то, что производный от него категориальный аппарат будет обладать универсальным характером, закладывая основы процесса мышления как такового. В первом приближении становится очевидно, что тождество как нечто одно *в себе* определяется посредством различия *своего* и *иного*, полагаемого *из себя*. В результате этого процесса оно преобразуется, выступая как единая самость *для себя*. Таким образом, целостный логос этой категории осмысливается в образе триединства его грамматических форм - «в себе», «из себя» и «для себя», представляющих собой ипостаси *одного* - метаморфозы самости в процессе ее актуализации.

В свою очередь, различие ипостасей в категории тождества знаменует перенос фокуса внимания с формы на содержательную динамику языка, с логики на диалектику. Появление многого как противоположности одного, актуализирует методологический поиск, благодаря которому многообразие обретает свою целостность и порядок. Генезис диалектической формы, обусловленный диалоговым праксисом, исходно опирался на бинарную оппозицию антиподов. Значительно позже Гегель помещает их в границы противоположности. Представляя антиподы в качестве моментов/положений противоположности, он объединяет дуальную концепцию их взаимообращения с трехчастной идеей становления, близкой понятию «развитие». Благодаря этому циклическое движение обретает эволюционные свойства, а диалектика - свой современный вид, близкий смысловой парадигме понятия «категория».

Вместе с тем, главная проблема диалектического метода, осознанная еще в античности, нуждается в дальнейшей проработке. В этой связи обратим внимание на самоопределение «метода» как пути исследования. Буквальное его значение в русском языке - «*пере-ход*», близкое латинскому «*met-hodo*». Приставка «*met*» соответствует русскому предлогу «*между*», а также словам «*межа*», «*промежуток*». Корень «*hod*» - прямая калька распространенной в русском языке основе - «*ход*». Вместе с тем, именно этот переход, как между антиподами, так и между ипостасями единой самости, до настоящего времени не обрел алгоритмической ясности и остается аморфным категориально. Не случайно терминологическая недостаточность затрудняет восприятие основных положений автора «*Науки логики*». Один из синонимов «метода» - способ, получивший распространение в отечественной речевой практике, отражает персонифицированный подход к проблеме со стороны русского языка. Таким образом, поиск решения проблемы взаимообращения антиподов приближает нас к понятию самости.

Слово «самость» восходит к общеславянскому корню «сам», источник которого теряется в далекой праиндоевропейской языковой древности, где-то за 2-3 тысячелетия до н. э. Его

смысловое содержание обладает весьма важными с методологической точки зрения свойствами. Во-первых, это предельная понятийная абстракция, способная выразить нечто одно. Она фиксирует переход от цифры - числительного, являющегося по существу символом, выраженным словом, к идее - сформированному суждению, его внутреннему логосу. Именно в значении «один, одинокий» этот корень до настоящего времени распространен во многих, родственных русскому, языках. При этом одно может выступать как нечто простое, несложное, доступное непосредственному восприятию, а может быть представлено единством множественности, требующим особого рефлексивного подхода.

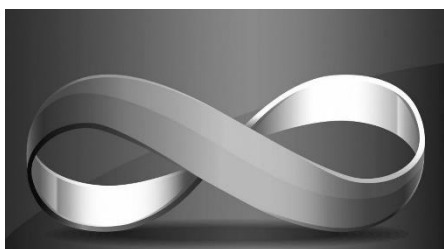
Во-вторых, понятие «сам» несет признак не просто субъектности какого-либо действия, но в некотором смысле его суверенности. Определяясь в качестве местоимения, оно наделяется личностными чертами. Значимость этого для исследовательского подхода трудно переоценить, так как указанное обстоятельство позволяет увидеть внутренний источник развития любого *нечто*, совершаемого в согласии с собственной природой и ее закономерностями. Понятие «самость» глубоко укоренилось в психологии. Так, К. Г. Юнг понимал под ней целокупную личность, которая хотя и присутствует, не может быть познана до конца. С. А. Левицкий определял самость как метафизическое начало личности, «вещь в себе» души. В свою очередь, С. Л. Франк различал в «непосредственном самобытии» двуединство бытия как чистой непосредственности и бытия как «самости». Труды русских мыслителей подготовили почву для придания последней статуса философской категории.

И, наконец, в-третьих - сематическое поле корня «сам» демонстрирует близость церковнославянскому по происхождению термину – «тождество», прочно вошедшему в лексикон современной философии и науки. Сравним: др.-перс. *hama-* «равный, тот же самый», гот. *sama-* «тот же самый», лат. *similis* - «подобный». Благодаря этому последнему значению, «самость» может выступать одновременно дифференцирующим началом, позволяющим выделить *нечто одно*, но и залогом его целостности, интегрируя в единство всю совокупность аспектов его бытия. Таким образом, самость, как самоидентичность *нечто*, выступает носителем собственной идентичности и, одновременно, основой Большой логики. В этом контексте она сближается с понятием «подлинности», свидетельствуя об истинности какого-либо суждения.

Выше отмечалось, что тождество *в себе, из себя и для себя* становится триединой самостью благодаря положению в различии *своего и иного*. *Свое* нечто одного может переходить в разряд *иного* исключительно путем отчуждения *своего*, следовательно сам переход будет выглядеть следующим образом. Из *своего в себе* выделяется *иное своего*, становящееся *своим из себя*, благодаря чему появляется возможность различия *иного* как антипода *своего*. Таким образом, категория *иное своего* репрезентирует переход *своего* в *иное*, определяя и опосредуя его, происходит гипостазирование антиподов. *Иное в себе* становится *иным для себя* в качестве *тождественного своему*, определяясь посредством *тождественного иного*, являющегося одновременно *иным из себя*. Двухчастный процесс отождествления *иного* характеризует встречные процессы отчуждения и присвоения *иного*, в результате чего оно осваивается, становясь *своим иным*. Вместе с тем, ипостаси *своего - иное своего (свое из себя)* и *свое иное (свое для себя)* определяют содержание процесса взаимного отождествления *своего и иного*. Двойственность диалектического противоречия разрешается посредством триединства гипостазирующихся антиподов. Это своего рода атанор - алхимическая печь, благодаря которой антиподы обращаются друг в друга.

Последовательность категориальной индивидуации различия как противоположности тождества, будет выглядеть следующим образом: *свое - иное своего – иное - тождественное иного - тождественное своего - свое иное - свое*. В результате формируется шестичастная система, позволяющая детализировать процесс становления нечто одного. Каждый из ее элементов по-своему характеризует все остальные и сам определяется их совокупностью. Одновременно с этим, являясь моментами противоположности тождества в триединстве ипостасей составляющих ее антиподов, они определяют его метаморфозы на пути к самости. Другими словами, инверсия моментов/положений противоположности позволяет соотнести их с внешними для нее ипостасями исходного тождества - *одного*, преобразуемого в конечную самость - *единого*,

возвращаемую к своему истоку. Таким образом, тождество *в себе* соответствует *своему* противоположности, тождество *из себя* – *иному* противоположности, тождество *для себя* – *тождественному своему* противоположности; ставшему тождеству – *самости в себе* отвечает *иное* *своего* противоположности, *самости из себя* – *тождественное иному* противоположности, *самости для себя* – *свое иное* противоположности. Полученные круги связывают 12 самоопределяющихся понятий *одного* в потоке взаимных переходов, напоминая ленту Мёбиуса, закрученную в восьмерку бесконечности. В результате инверсионный метод гипостазирования антиподов справедливо может быть признан основой категоризацией и получить соответствующее наименование – категоризации самости. Это представляется вполне оправданным с учетом генеза использованных понятий. Вместе с тем хоровод абстрактных терминов, призванный отразить процесс становления бытия, начинает осмысляться как его самоопределения, обретая субъектные черты, свойственные личности.

Может показаться, что алгоритм категоризации самости - род некой интеллектуальной гимнастики, но это, первое впечатление, опрометчиво. Помня о проблематике платоновского «Парменида», требуется не упускать из виду роль тождества в логике и мышлении как таковом. В силу чего, следующим, закономерным шагом, с учетом полученных результатов, будет опыт каталогизации категориального аппарата философии. Попытаемся представить ее базовые категории как саморазвивающуюся систему взаимообусловленных элементов, опосредующих и определяющих друг друга. С одной стороны, это позволит уточнить значение каждой категории через связи с остальными, с другой – расширит возможности для универсального когнитивного синтеза, основанного на впечатляющих достижениях современной науки. Помимо этого, предпринятый эксперимент позволит соотнести интеллектуальный аппарат современной цивилизации с архаичными категориальными системами, выраженных мифопоэтическим языком, что, несомненно, будет способствовать пониманию истоков нашей цивилизации и плодотворному диалогу составляющих ее культур.

Важнейшие представления о мироздании отражены в ключевом для философии учении — онтологии, располагающей собственным тезаурусом. Фундаментальные представления о бытии могут быть переданы посредством следующих категорий: сущности (онтологическое *бытие в себе*) — явления (онтологическое *бытие из себя*) и ипостаси (онтологическое *бытие для себя*), возвращаемой нами в философский дискурс преобразенной и переосмысленной. Принципиальным для дальнейшего построения следует признать выбор *своего* противоположности в отношении онтологии. Анализ имеющихся онтологических категорий позволяет выделить в качестве отправной - субстанцию. Именно она определяется как *свое в себе* противоположности триединства – сущность-явление-ипостась. В свою очередь, очевидным антиподом субстанции представляется функция - *иное в себе* онтологической противоположности. Гипостазирование субстанции ведет к различению содержания (*иное своего* противоположности, ипостась антипода - *свое из себя*) и его качества (*свое иное* противоположности, ипостась антипода - *свое для себя*). Антиподом субстанции является функция, в отношении к которой различаются форма (*тождественное иному* противоположности, ипостась антипода — *иное из себя*) и количества (*тождественного своему* противоположности, ипостась антипода — *иное для себя*).

Последовательность обращения рассматриваемых антиподов следующая: субстанция (*свое*) — содержание (*иное своего*) — функция (*иное*) — форма (*тождественное иному*) — количество

(*тождественное своему*) — качество (*свое иное*). Результатом этой категориальной эволюции становится преобразование изначального триединства бытия - сущности, явления и ипостаси в триединство самобытия - эссенции (онтологическое *самобытие в себе*), акциденции (онтологическое *самобытие из себя*) и меры (онтологическое *самобытие для себя*).

Категории осуществления (онтологические)	Ипостаси онтологических категорий		
	<i>в себе</i>	<i>из себя</i>	<i>для себя</i>
СУЩНОСТЬ	субстанция	содержание	качество
ЯВЛЕНИЕ	функция	форма	количество
ИПОСТАСЬ	эссенция	акциденция	мера

Таблица 1 Категории онтологии

Ставшее снимает противоречие в парах антиподов: эссенция между субстанцией и функцией, акциденция между содержанием и формой, мера между количеством и качеством. При этом каждой из шести метаморфоз противоположности соответствует момент самоактуализации бытия: сущности — субстанция, явлению — функция, ипостаси — количество, эссенции — содержание, акциденции - форма, мере — качество. Происходит особого рода взаимное включение внутренних метаморфоз антиподов, определяемых как их ипостаси, и внешних для них ипостасей категории бытия и самобытия. Благодаря антиподам бытие определяется, представляя сущность субстанциональной, явление функциональным, а ипостась количественной. Одновременно опосредуя эссенцию содержанием, акциденцию формой, а меру качеством.

Если онтологический категориальный аппарат способен описать бытие *в себе*, то гносеологический аспект бытия раскрывает его *из себя*. В этой сфере философия неразрывно связана с наукой и другими формами рефлексии, поэтому когнитивный понятийный аппарат представлен категориями, общими для разных видов духовного опыта. Их исходное триединство в процессе объективации бытия представляется как реальность (когнитивное *бытие в себе*) — действительность (когнитивное *бытие из себя*) и истина (когнитивное *бытие для себя*). Результатом их становления является преобразование реальности в предмет (когнитивное *самобытие в себе*), действительности в субъект (когнитивное *самобытие из себя*), а истинности в объект (когнитивное *самобытие для себя*).

Категории гносеологические	Ипостаси гносеологических категорий		
	<i>в себе</i>	<i>из себя</i>	<i>для себя</i>
РЕАЛЬНОСТЬ	материя	информация	энергия
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ	неживая природа (физис)	живая природа (биосфера)	разумная природа (ноосфера)
ИСТИНА	объект	субъект	предмет

Таблица 2 Категории гносеологии

Нахождение исходной категории – *своего* противоположности в сфере познавательной деятельности человека сопряжено с мировоззренческим выбором, который обусловлен существующими в ту или иную эпоху представлениями о природе реальности. Известно, что на смену холизму, свойственного древнему мифу, приходит теологический детерминизм средневековья, сочетающий в себе примат духовного начала при синкретизме его отношения к материи. В этих условиях статус объективной реальности присваивается по преимуществу трансцендентной человеку метафизической сущности, по мере удаления от которой у малалась реальность того или иного предмета. Именно это, по мнению известного отечественного медиевиста П. Бицилли, сформировало важнейшие черты средневекового мировосприятия:

универсализм, «естественный» символизм и тотальную иерархичность. Одновременно средневековью свойственно отсутствие качественного разрыва между метафизической и физической реальностью. В рамках этого мировидения отмечается лишь большая или меньшая – количественная разница между существующими феноменами, которая, в свою очередь, обретает разную степень достоинства и ценностной определенности.

Ренессанс существенно изменил мировосприятие европейцев, подготовив почву для переосмысления понятия реальности. Просветители XVII-XVIII вв. произвели радикальный переворот основ мировоззрения. Позже, немецкая классическая философия в лице И. Канта окончательно утвердила свершившуюся революцию в понимании реальности, укореняя ее в естественной природе. При этом метафизическое начало секуляризуется, трактуясь как психофизиологический феномен, маргинализуется в духе Лапласа или агрессивно отрицается в запале воинствующего атеизма, точнее - антитеизма. В этих условиях ответственная мысль, отчетливо разграничивая физическую и метафизическую сущности, закономерно выводит последнюю в сферу инобытия, оставляя за первой понятие наличной реальности.

Таким образом, антиподами противоположности исходного триединства в гносеологии принимаются - материя, плодоносящая по своему семантическому корню (*свое в себе* противоположности) и неживая природа (*иное в себе* противоположности). Гипостазирование материи ведет к различению информации (*иное своего* противоположности, ипостась антипода - *свое из себя*) и её энергии (*свое иное* противоположности, ипостась антипода - *свое для себя*). Неживая природа самоотождествляется в живой природе (*тождественное иному* противоположности, ипостась антипода — *иное из себя*) и разумной природе (*тождественного своему* противоположности, ипостась антипода — *иное для себя*).

Последовательность взаимного обращения рассматриваемых антиподов следующая: материя (*свое*) — информация (*иное своего*) — неживая природа (*иное*) — живая природа (*тождественное иному*) — разумная природа (*тождественное своему*) — энергия (*свое иное*). Метаморфозы истины, объемлющие субъект, цель и метод, позволяют осмыслить самость в контексте проблемы подлинности сущего, совершающего в ней свое определение. Именно благодаря этому обстоятельству категории экзистенции завершают цикл самоопределения бытия, в силу чего они неотъемлемы от онтологического категориального аппарата, служат логическим завершением его собственной эволюции. В этом скрывается правда и, одновременно, ложь экзистенциализма как социо-культурного феномена.

Средоточие экзистенциальной проблематики заключается в местоимении первого лица единственного числа - «Я». При этом, его категоризация одновременно сопровождается персонификацией самой логики, в очередной раз, подтверждая знаменитый тезис Протагора: “Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют”. Действительно, самоопределение Я (бытие личности *в себе*) осуществляется посредством *Не я* (бытие личности *из себя*) через различие *своего* и *иного*, совпадая с метаморфозами становления «тождества». Перед нами вновь предстает хоровод, включающий в себя *свое* отчуждаемое в *иное своего*, которое трансформируется в *иное*, с последующим взаимным отождествлением *иного* и *своего* и возвращением *своего иного* в *свое*. Результат этого процесса — обретение «первым лицом единственного числа» Самости (бытие личности *для себя*), в понятийном поле которой сочетаются сугубо операционный термин и средоточие человека как такового.

Таким образом, самобытие личности *в себе* видится трансцендентальной основой бытия Я, его индивидуальной квинтэссенцией. Утверждение самобытия личности *из себя* — через определение и опосредование *Не я* служит конциденции или со-бытию Я, акцентальным явлением общности, не ограничивающейся исключительно социальной сферой. Вместе с тем, преобразование самости — самобытие личности *для себя* становится мерой ее целостности, проявляющейся в способности охватить окружающий мир, вместить и преобразить его в себе. Таким образом, становление экзистенциальных категорий определяет содержание понятий уникального, общего и целостного.

Категории экзистенции	Ипостаси экзистенциальных категорий		
	<i>в себе</i>	<i>из себя</i>	<i>для себя</i>
Я	свое	иное своего	свое иное
НЕ Я	иное	тождественное иного	тождественное своего
САМОСТЬ	уникальность	общность	целостность

Таблица 3 Категории экзистенции

Следует отметить, что критерием целостности служит его полнота. В этой связи, уместно еще одно этимологическое отступление, касающееся на этот раз местоимения - «я». Имея своим истоком древнерусское — «язь» оно сохраняет свою близость с понятием «вязь» - всеобщей связи сущего — узла бытия, возможно посредством древнейших корней: *ang'h «вязать» и *сь/se (се) «вот (это) – здесь и сейчас». Символичной выглядит фонетическая схожесть слова «эго», получившее распространение в европейских языках для передачи значения местоимения «я», с русским словом «иг», под которым понимается внешнее для самости ограничение свободы, противоречащей ее воле.

Итак, категоризация «бытия» позволила по-новому упорядочить основополагающий для философии тезаурус, при этом 36 понятий, включенных в его эволюционный круг, заняли свое место, не только не потеряв своей многозначности, но существенно обогатив её. При этом категории приобрели органичную общность, в которой умозрительная схема обрела свою плоть и кровь, источник которой - сам человек. Сообщая его мышлению стратегический масштаб, категориальность является залогом самостоятельности личности, надежным средством от манипуляции.

Мысль, разрешая свои внутренние противоречия, позволяет человеку пережить особое состояние — катарсис, еще одно слово, начинающееся с приставки-противодействия «ката». Его корневая основа – $\alpha\rho\sigma\iota\varsigma$, означала в театральной культуре Греции «подъем ноги в танце». Таким образом, смысл катарсиса заключен в возвышении после преодоления сопротивления. Это, завоеванное в борьбе возвышение обращается восхищением - причастием Любви, сила которой преодолевая дробность и отчуждение мира, возвращает нам изначальную полноту бытия.